

Уголовно-правовые максимы и принципы уголовной политики в Древнем Риме**Научный руководитель – Трикоз Елена Николаевна****Мелихова Алёна Владимировна***Студент (бакалавр)*

Российский университет дружбы народов, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: amelikhova18@yandex.ru

Об уголовном праве Древнего Рима до нас дошло не так много письменных источников и сведений о практике применения, по сравнению с римским частным правом. Возможно, это связано с недостаточной его официальностью и отсутствием специализации у судей, также смешением частных и публичных деликтов. Тем не менее, римское уголовное право развивалось постепенно, обособлялось от других отраслей, приобретало письменную фиксацию. Многие принципы и идеи, выработанные древними римлянами по вопросам преследования и наказания преступников, нашли впоследствии отражение в уголовном законодательстве многих стран. Ряд из них был систематизирован в титулах 16 и 17 книги 50 Дигест Юстиниана: первый из них содержал фрагменты о значении юридических терминов, второй описывал т.н. *regulae iuris*.

Среди наиболее общих, философских принципов, применявшихся римлянами в сфере уголовного права, выделим принцип справедливости, который рассматривался как воздаяние равного за совершенное деяние, первоначально в сходной манере с архаичным принципом талиона [1, с. 74]. Так, Законы XII таблиц 451 г. до н.э. предписывали в случае, когда кто-то причинял членовредительство и не помирился с потерпевшим, ему самому «причинить то же самое» [2, с. 214]. Принцип справедливости нашел отражение и в первой книге «Дигест Юстиниана», в частности в максимах ряда юристов, включая Павла и Ульпиана, а также в книгах 47 и 48, посвященных отдельным вопросам уголовного права и процедуры по уголовным делам [2, с. 331-340]. Также ранее закреплённый в Таблицах принцип сословности уголовного права, постепенно переосмысливался римскими юристами в сторону юснатуралистского принципа равенства всех перед неотвратимостью наказания (отсюда латинская максима «*Lex uno ore omnes alloquitur*» («закон говорит со всеми одинаково»). Так, Ульпиан полагал, что хотя по римскому гражданскому праву рабы - ничто, но, согласно естественному праву, все люди между собой равны. Цицерон в трактате «Об обязанностях» утверждал, что право должно быть равным и справедливым, будучи призванным защищать низших от высших; и те и другие равны перед правом, и равно им обуздываются.

Принцип законности в уголовном праве древних римлян выражался в нескольких важных правилах: 1) *Nullum crimen, nulla poena sine lege* - никакого преступления, никакого наказания, если это не предусмотрено законом; 2) *Quid est jus et quo consistit injuria, legis est definire* - что есть право и в чем состоит правонарушение, то должен определить закон; 3) *Ubi culpa est, ibi poena subesse debet* - где есть вина, там должно быть и наказание. Ибо веления права бесспорны (*dura lex, sed lex*) и общеобязательны (*neminem laedere*) [4, с. 14].

Принцип личной ответственности у римлян предполагал, что никто не отвечал за преступление другого лица. Виновный нёс ответственность за совершенное правонарушение самостоятельно. По Дигестам Юстиниана наказание за преступление отца не переходило на сына, т.е. он не был преемником вины за чужое деяние, а это означало закрепление принципа субъективного вменения. Идея Ульпиана о том, что лучше оставить преступление безнаказанным, чем осудить человека без доказательств (D. 48. 19.5), было положено

в основу принципа презумпции невиновности - «сомнения в пользу обвиняемого» (*in dubio pro reo*) [3, с. 31].

В римском уголовном праве была разработана презумпция знания закона и права по формуле «*Ignorantia legis neminem excusat*» («незнание закона никого не извиняет»), которая подразумевала, что незнание норм римского права не освобождало от ответственности за преступление; лицо, совершая противоправное действие, должно было осознавать последствия, и не могло ссылаться в свое оправдание на невозможность ознакомиться с писанными источниками [4, с. 12]. Хотя по мнению видного дореволюционного юриста профессора Н.С. Таганцева, из этого сурового принципа римское право со свойственным ему юридическим тактом допускало изъятия для таких лиц, которые не имели возможности ознакомления с законом [5, с. 231].

Но в то же время именно римляне стали настаивать на том, что одного фактического вменения недостаточно для законности и справедливости преследования, необходимо устанавливать также внутреннюю виновность лица. Римские юристы видели основу уголовной ответственности в моральном, субъективном вменении: *in malclivis voluntas, non rerum exitus* («в преступлениях важнее намерение, чем результат»). Так, Гай формулирует важнейшее правило (Gai. III, 211): «Не подвергается наказанию тот, кто причинил вред как-нибудь случайно, без всякой вины и умысла» [6, с. 164].

В целом, наиболее важные идеи и системообразующие принципы, установившиеся в процессе развития римского уголовного права в его официальных и доктринальных источниках [7, с. 41], оказали важное идеологическое влияние на формирование континентальной традиции уголовного права и были заимствованы в основы международного уголовного права (Римский статут МУС 1998 г.).

Источники и литература

- 1) 1. Алимова О.В., Сырвакова И.О. Система наказаний в Риме за уголовные преступления, влекущие изменения правового статуса лица // Энигма. 2020. № 28-1. С. 72-78.
- 2) 2. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. Т. 1. М., 2023. С. 200-223.
- 3) 3. Черниловский З.М. Введение // Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989.
- 4) 4. Трикоз Е.Н. Основные принципы уголовного права Древнего Рима // Рукопись. Депонировано в ИНИОН РАН. М., 2016.
- 5) 5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994.
- 6) 6. Институции Гая // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / Сост. В.А. Томсинов. М., 2020.
- 7) 7. Чичеров Е.А., Назаркина Н.В. Развитие уголовного права в Древнем Риме // Юридические науки: проблемы и перспективы: Материалы IV Междунар. науч. конференции. Казань, 2016. С. 40-42.